

Молчаливая башня

Алена Ефремова

18+

Алена Ефремова
Молчаливая башня

«Автор»

2026

Ефремова А.

Молчаливая башня / А. Ефремова — «Автор», 2026

Ланкашир, 1612 год. У подножия Пендл-Хилл стоит башня, прозванная Молчаливой. Здесь живёт Кэтрин — девушка, знающая травы лучше лекарей и видящая сны ярче яви. После смерти матери она получает книгу, говорить с которой умеют только ведьмы. Местный лорд хочет отнять её землю, церковь шепчется о колдовстве, даже те, кого Кэтрин лечила, отворачиваются. Но она не одна. Чёрный ворон и серый волк — её фамильяры, а книга сама переворачивает страницы в полночь. Когда Кэтрин выгоняют из дома, она остаётся с больной сестрой и пустыми руками. Отчаяние становится силой, а боль — заклинанием. Чтобы выжить — она принимает магию. Чтобы защитить родных — учится нападать. А ещё она встречает церковного посланника, охотника на ведьм, пришедшего её уничтожить. Между ними вспыхивает запретная связь — ночная, жаркая, полная стыда и нежности. Он влюбляется в ту, кого должен сжечь. Она доверяет врагу. Это история не о проклятиях, а о выборе.

© Ефремова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шопот на закате	5
ГЛАВА 2. ЧЁРНЫЙ ГОСТЬ	6
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ШЁПОТ	8
ГЛАВА 4. ЧУЖАК	10
ГЛАВА 5. ЗНАК	12
ГЛАВА 6. ЧУЖАК	14
ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ ШАГ	16
ГЛАВА 8. ТОТ, КТО ПРИШЁЛ ИЗ ЛЕСА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Молчаливая башня

Глава 1. Шопот на закате

Ланкашир, весна 1612 года. Пендл-Хилл накрыт вечерним туманом.

Моя мать говорила, что камни помнят всё.

Они помнят, как язычники приносили жертвы до того, как пришли христиане. Как первые ведьмы шептали свои заклинания в этих холмах. И как потом их сжигали те, кто когда-то молился с ними. Те, кто боялся.

Я не верила ей. Долго не верила. Я думала, что она просто старая женщина, которая слишком много знает о травах и слишком мало — о людях. Я думала, что её шёпот в полночь — это просто привычка. Способ успокоить себя.

Но сегодня — верю.

Она умерла ночью. Её тело — как сухой лист, который ветер унёс и забыл. В комнате пахнет ладаном и мёдом. И тишиной. Мёртвой тишиной.

Я сижу у её постели и сжимаю в руках книгу. Мать отдала её перед смертью. Старый кожаный переплёт, тёмный, почти чёрный. Знаки на обложке — не буквы, не руны. То, что я не умею читать.

Она пахнет землёй. И больше ничем.

— Твоё наследство, — прошептала она. — Твоя сила.

Её голос был уже чужим. Словно она говорила не со мной, а сквозь меня. — Ты услышишь его на закате, — сказала она. — Не бойся. Это не демон. Это холм. Это кровь. Она закрыла глаза. И всё.

Я не плачу. Уже нет. Я плакала вчера, когда поняла, что она уходит. Сегодня внутри только пустота. Холодная, тяжёлая, как камень, что лежит у порога.

Я смотрю на её руки — тонкие, бледные, с чёрными ногтями. Она говорила, что это от трав. Я не верила. Теперь не узнаю.

Книга тяжелеет с каждой минутой. Не физически — я чувствую это внутри. В груди. Там, где раньше было тепло, теперь зияет дыра.

Я жду заката. Я не знаю, что услышу. Но на вершине Пендл-Хилл начинает выть ветер. Я знаю этот звук. Раньше я думала, что это просто ветер. Просто погода. Просто Ланкашир.

ГЛАВА 2. ЧЁРНЫЙ ГОСТЬ

В дверь постучали.

— Я... пришёл помочь.

Она узнала голос. Томас. Сосед. Тот, кто никогда не смотрел в глаза матери. Тот, кто крестился, когда проходил мимо.

— Я не просила, — сказала Кэтрин, не оборачиваясь.

— Знаю. Но так надо. По-людски.

Он вошёл. Остановился у порога. Шапка ходила ходуном в его больших руках.

— Я сделал гроб, — сказал он. — Вчера ночью. В сарае.

— Зачем?

— Так надо. По-людски.

Кэтрин медленно повернулась. Посмотрела на него. Он опустил глаза.

— Спасибо, — сказала она. Голос прозвучал чужо.

Земля чавкала под ногами. Томас бросил лопату.

— Всё, — сказал он. — Готово.

Кэтрин подошла к краю ямы. Заглянула внутрь. Там было темно. Холодно. И тихо.

— Я сама понесу, — сказала она.

— Ты не сможешь.

— Я сказала — сама.

Она взялась за край гроба. Тяжёлый. Кривые доски впивались в пальцы. Она стиснула зубы и потянула. Томас помог. Вдвоём они подняли гроб, отнесли к яме и опустили на дно.

Глухой удар. Кэтрин вздрогнула.

— Надо читать «Отче наш», — сказал Томас.

— Читай, если надо.

— Ты не будешь?

— Она не верила в твоего бога.

Томас перекрестился и отошёл. Кэтрин встала на колени. Взяла горсть земли. Земля была мокрой, холодной, липла к пальцам.

— Спи, мама, — прошептала она.

И бросила землю на крышку гроба.

— Ты долго.

Кэтрин обернулась. В проёме двери стояла Элис. Тонкая, светловолосая, с глазами матери.

— Пришлось копать, — сказала Кэтрин.

— А почему Томас ушёл?

— Испугался.

— Чего?

— Не знаю. Маму, наверное.

— Мама умерла, — сказала Элис. — Чего её бояться?

Кэтрин не ответила. Она вошла в дом, села на лавку, взяла с полки книгу. Старый кожаный переплёт. Тёмный, почти чёрный. Мать никогда не давала её в руки.

— Это мамино, — сказала Элис. — Я видела.

— Она отдала его мне.

— Что там?

— Не знаю. Но я узнаю.

Ночью Кэтрин проснулась от холода.

Она лежала неподвижно и слушала. За окном кто-то был.

— Кто там? — спросила она.

Никто не ответил.

Она встала, и подошла к двери. Открыла.

На пороге лежал ворон. Чёрный, с повреждённым крылом. Он смотрел на неё. Не двигался.

— Ты... откуда? — спросила Кэтрин.

Ворон молчал.

Она наклонилась, взяла его в руки. Перья были холодными, но тело под ними — живым.

Птица не вырывалась.

Кэтрин занесла ворона в дом.

— Это кто? — спросила Элис, приподнявшись на лежанке.

— Не знаю. Пришёл.

— Он к тебе.

— Почему ты так думаешь?

— Мама говорила, — сказала Элис. — К ведьме приходят птицы.

Кэтрин посмотрела на ворона. Он смотрел на неё.

— Я не ведьма, — сказала она.

Ворон каркнул. Тихим, хриплым голосом.

Элис улыбнулась.

— Он не верит.

Утром ворон сидел на спинке стула и смотрел, как Кэтрин открывает книгу.

Знаки на страницах шевелились.

— Ты это видишь? — спросила она у ворона.

Птица кивнула.

— Ты понимаешь, что здесь написано?

Ворон прыгнул на стол, перевернул страницу клювом. Остановился на рисунке. Круг. Свечи. Ворон в центре.

— Это ты? — спросила Кэтрин.

Ворон каркнул.

— Мама говорила, что фамильяр приходит только к тем, кто готов, — сказала Кэтрин.

Ворон сел ей на плечо.

— А если я не готова? — спросила она.

Ворон клюнул её за ухо.

Элис засмеялась.

— Теперь у нас есть ворон, — сказала она.

— У меня, — поправила Кэтрин.

— У нас, — твёрдо сказала Элис. — Мама умерла. Мы теперь всё делим.

Кэтрин закрыла книгу и погладила птицу.

— Хорошо, — сказала она. — У нас.

Ворон каркнул. Громко и радостно.

Кэтрин посмотрела в окно.

Пендл-Хилл молчал. Но она слышала его дыхание. Оно стало ближе.

Оно было внутри.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ШЁПОТ

Три дня после похорон. Утро ворон сидел на спинке стула и смотрел. Его глаза блестели, как два уголька в печной золе. Он не мигал. Кэтрин чувствовала его взгляд даже спиной — тяжёлый, чёрный, живой. Словно птица знала что-то, чего не знала она.

— Ты будешь тут жить? — спросила Кэтрин.

Ворон каркнул. Голос был хриплым, низким — не птичьим. Словно старуха прочищала горло.

— Это значит «да»?

Птица наклонила голову и кивнула.

Элис засмеялась. Её смех звенел, как маленький колокольчик в тихой комнате.

— Он не уйдёт, — сказала она. — Мама говорила, фамильяры не уходят. Они приходят и остаются навсегда.

— Я не ведьма, — повторила Кэтрин, но в голосе уже не было уверенности.

— Он не верит, — спокойно ответила Элис.

Кэтрин взяла книгу. Открыла на первой странице. Переплёт был тёплым — слишком тёплым для старой кожи.

Знаки на страницах шевелились. Не резко, не грубо — медленно, словно чернила дышали. Кэтрин смотрела на них и не понимала, но что-то внутри подсказывало: они говорят с ней. Просто она пока не умеет слушать.

— Что ты видишь? — спросила Элис, подходя ближе. Её тень упала на книгу, и знаки замерли.

— Чернила. Символы. Ничего не понятно.

— А мама понимала.

— Мама долго училась. Много лет. Она не стала ведьмой за три дня.

— И ты научишься, — сказала Элис. — Ты же её дочь. Кровь матери — это тоже книга.

Просто её надо научиться открывать.

Кэтрин не ответила. Она смотрела на знаки, и ей казалось, что они ждут. Ждут, когда она перестанет бояться.

Вечером пришёл Томас.

Он стоял на пороге, переминался с ноги на ногу. В руках держал корзину, накрытую тряпичей.

— Вот. Тебе и сестре, — сказал он и протянул корзину.

Кэтрин взяла. Тряпица пахла хлебом и копчёным мясом.

— Спасибо, — сказала она.

Она хотела закрыть дверь, но Томас не уходил. Стоял, смотрел в сторону и мял шапку.

— Ты слышала? — спросил он.

— Что?

— В деревне говорят. Кто-то видел твою мать. На холме. После смерти.

Кэтрин посмотрела ему в глаза. Он не выдержал и опустил взгляд.

— Врут, — сказала она.

— Я передаю, что говорят. Не обижайся.

— Я не обижаюсь.

Томас кивнул, развернулся и ушёл. Его сапоги хлюпали по грязи. Кэтрин закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Что он сказал? — спросила Элис.

— Ничего.

— Я слышала про маму.

— Про маму не врут, — сказала Кэтрин. — Про маму помнят. А остальное — ложь. Ворон каркнул. Сидел на прежнем месте и смотрел.

Ночью Кэтрин проснулась от шёпота.

Сначала она подумала, что это Элис. Но Элис спала — свернулась клубком у печи, дышала ровно и тихо. Шёпот шёл из книги.

Кэтрин села на лежанке. Потянулась к книге. Переплёт был горячим — обжигающим.

— Ты слышишь? — прошептала она.

Книга молчала.

Ворон соскочил со стула. Подошёл к ней по столу. Остановился напротив. Ключнул её в палец.

— Больно, — сказала Кэтрин.

Ворон каркнул. Тише, чем обычно. Словно говорит: «Слушай». Или: «Замолчи».

И она услышала.

— Дочь моя.

Голос матери. Но не тот, что когда-то пел ей колыбельные. Другой. Глубокий. Как из-под земли.

Кэтрин замерла. Ей стало холодно.

— Мама?

— Я здесь. В книге. В земле. В тебе. Слушай и не перебивай.

Голос был тихим, но внутри он отдавался громом. В ушах зазвенело, в груди заныло.

— Ты должна жить, — говорил голос. — Ты должна защищать. Ты должна помнить, что ты не одна.

— Кто со мной? — спросила Кэтрин.

— Холм. Книга. Птица. И я. Всегда.

— Что я должна делать?

— Ждать.

Кэтрин сжала пальцы. Ногти впились в ладони.

— Чего? — спросила она.

— Того, кто придёт.

— Кто придёт?

— Тот, кто захочет забрать твою землю. Тот, кто не испугается слухов. Тот, кто будет смотреть на тебя не как на проклятую, а как на цель.

Кэтрин почувствовала, как внутри поднимается страх. Тяжёлый, липкий страх, от которого хотелось спрятаться.

— А если я не готова? — спросила она.

Голос засмеялся. Тихо, сухо, как треск старого дерева.

— Готовых не бывает, дочь. Бывают те, кто выживает. Ты — из таких.

Шёпот стих.

Кэтрин сидела неподвижно, сжимая книгу в руках. Переплёт больше не жёг. Он стал просто книгой. Старой, тёмной, холодной.

Ворон смотрел на неё. Глаза блестели в темноте.

Элис спала.

Кэтрин подошла к окну. Ночь была безлунной. Пендл-Хилл чернел на горизонте, как спящий зверь.

И вдруг — ветер. Не тот, что обычно дует с холмов. Другой. Тёплый. И пахло от него мёдом и кровью.

Кэтрин знала: это не ветер. Это холм поёт. И она начинает понимать его песню.

ГЛАВА 4. ЧУЖАК

Неделя после похорон. Утро.

Слухи росли, как сорняки после дождя.

Кэтрин слышала их отовсюду. От соседей, которые внезапно начали здороваться и кланяться — не из уважения, а из страха. От детей, которые швыряли камни в их ворона и кричали «ведьмина тварь», когда думали, что Кэтрин не видит.

Элис плакала, когда камень попал в птицу. Ворон не улетел. Он сидел на заборе и смотрел на обидчиков. Долго. Так долго, что дети разбежались сами. Кто-то из них потом не спал три ночи — говорили, что видел во сне чёрные глаза.

— Они боятся, — сказала Кэтрин.

— Ворона? — спросила Элис.

— Нас-ответила Кэтрин.

— Почему?-спросила Элис

— Потому что мама умерла, а мы остались. Потому что дом стоит. Потому что холм молчит, а они ждут, что он заговорит.

— Он заговорит? — спросила Элис.

— Он уже говорит, — ответила Кэтрин. — Просто не всем слышно.

Через неделю появился он.

Кэтрин сидела на крыльце и перебирала травы. Сушила, раскладывала по мешочкам, шептала названия, как когда-то мать: полынь — от сглаза, зверобой — от порчи, дурман — для снов.

Ворон сидел рядом и молчал. Но Кэтрин чувствовала его внимание — он следил за горизонтом. Ждал.

Она услышала топот копыт раньше, чем увидела всадника. Звук был тяжёлым, мерным. Этот звук не принадлежал случайному путнику. Это был звук власти.

Кэтрин поднялась. Положила нож в карман.

Всадник показался из-за холма. Ехал медленно, но уверенно. Не сворачивал. Не сбавлял шаг. Он знал, куда едет. Знал, к кому.

Кэтрин встала. Ворон перелетел ей на плечо. Сжал когти.

Всадник остановился. Спешился. Кинул поводья на изгородь — так, будто эта изгородь всегда была его. Будто и дом, и земля, и сама Кэтрин уже принадлежали ему.

Он был высоким — выше Томаса. Выше всех, кого она знала. Лицо жёсткое, не морщинистое — выточенное. Такие лица бывают у палачей и судей. У тех, кто привык, что ему подчиняются.

Чёрный плащ, не по погоде. Ботинки с серебряными пряжками. На поясе — не нож, а меч. Короткий, но настоящий.

Кэтрин не отступила.

— Ты Кэтрин? — спросил он.

Голос спокойный, но в нём слышалось: он уже знает ответ.

— Кто спрашивает?

— Сайлас Грей. Управляющий лорда Норвуда.

— Не знаю такого.

— Теперь узнаешь. Эти земли больше не ваши.

— Это земли моей матери, — сказала Кэтрин.

— Были. Теперь — собственность лорда. Всё по закону.

— Я не подписывала.

— Твоей подписи никто и не ждал.

Он посмотрел на неё с высоты своего роста. Не усмехнулся. Не улыбнулся. Смотрел, как смотрят на препятствие — не всерьёз.

— Твой дом, твоя земля, твоя скотина — всё это отныне принадлежит лорду. Тебе время, чтобы собрать вещи.

— А если я не уйду?

— Если не уйдёшь, тебя выведут. Силой.

— По какому праву? — голос Кэтрин дрогнул, но она сжала зубы.

— По праву закона, — сказал Сайлас. — И по праву слуха. Лорд слышал, что твоя мать была не простой травницей. А ты — её дочь. В таких домах не живут. Их сжигают или выселяют. Лорд выбрал выселение. Будь благодарна.

Кэтрин сжала рукоятку ножа. Не вытащила. Но Сайлас заметил. Усмехнулся.

— Не советую. Побереги нож для дичи. В людях он тебе не поможет.

Ворон каркнул. Громко, резко. Словно выругался.

Сайлас посмотрел на птицу.

— И это твой знакомый? — спросил он. — Птица нездешняя. Чернее, чем надо. С такими птицами в деревнях не сидят. Ты знаешь, что говорят?

— Что говорят? — спросила Кэтрин.

— Что у ведьмы есть фамильяр. Что он приходит по ночам и пьёт молоко из груди. Что он шепчет хозяйке заклинания, пока она спит.

— Тебе нечего бояться, — сказала Кэтрин. — Я не ведьма.

— Я не боюсь, — ответил Сайлас. — Лорд тоже.

Он развернулся, взял коня под уздцы.

— Я вернусь. Ты должна быть готова. Если нет — ответишь не перед мной. Перед судом.

Кэтрин смотрела ему вслед. Он уехал быстро. Ветер ударил в спину, и Кэтрин поёжилась. Элис вышла из дома. Босая, в старом платье матери.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Ждать, — сказала Кэтрин.

Она не знала, чего именно. Но мать говорила: «Тот, кто захочет забрать твою землю». Не деньгами. Не бумагой. Чем-то другим. Чем-то, что боится их дома. Боится их крови. Боится их холма.

Ворон каркнул. Кэтрин взяла книгу. Переплёт был тёплым — слишком тёплым для мёртвой кожи.

Она открыла её. Знаки не шевелились. Они ждали. Ждали, когда она перестанет бояться.

Кэтрин закрыла глаза.

— Холм, — прошептала она.

Ни ветра. Ни звука.

Но глубоко внутри, там, где кончались слова и начиналась тьма, она почувствовала ответ. Он шёл.

ГЛАВА 5. ЗНАК

Кэтрин не спала третью ночь. Книга лежала на столе — закрытая, но тёплая. Иногда ей казалось, что страницы слабо светятся — тусклым, болотным огнём. Но стоило взглянуть прямо — свет гас.

Ворон сидел на спинке стула и не сводил с неё глаз.

— Ты знаешь, что мне делать? — спросила она шёпотом.

Птица моргнула. Медленно, как будто хотела сказать: «ты уже знаешь».

Элис спала. Её дыхание было ровным, детским. Беззащитным. Она ещё не знала, что дом, который они называют своим, по закону больше им не принадлежит. Что Сайлас Грей вернётся. И что вернётся он не с пустыми руками.

Она не знала, что Кэтрин выходит на крыльцо каждую ночь и смотрит на холм.

Этой ночью ветер молчал. Луна висела низко — тяжело, почти касаясь верхушек деревьев. Вороны в ветвях не спали. Но не кричали.

Холм молчал.

Кэтрин постояла, потом вернулась в дом, села за стол и открыла книгу.

Знаки не шевелились.

Они просто ждали. Или — смотрели.

Она провела пальцем по странице. Кожа под пальцем потеплела, и в этом тепле не было ничего от живого. Словно книга пробовала её на вкус.

— Я не понимаю тебя, — прошептала она. — Говори.

Тишина.

— Моя мать отдала тебя мне. Значит, я должна это читать. Я должна знать.

Ничего.

Кэтрин закрыла глаза. Внутри, под рёбрами, зашевелилось что-то липкое и тёплое. Не страх. Не гнев. То, что мать называла «даром» — и от чего крестились соседи.

Она открыла книгу снова.

И вдруг — знаки ожили.

Они не шевелились, как раньше. Они — плыли. Строка за строкой, страница за страницей. Слова не складывались в буквы, но Кэтрин поняла. Поняла не умом — телом.

«Ты — не первая. Ты — не последняя. Но ты — та, кто выберет».

Она прочитала это — и замерла.

— Что я должна выбрать?

Тишина взорвалась криком вороны за окном. Птица билась о стекло, царапала клювом, требовала впустить.

Кэтрин впустила.

Ворон залетел в комнату, уселся на раскрытую книгу и уставился на неё. В его глазах горел тот же холодный свет, что Кэтрин видела на холме.

— Ты знаешь, — прошептала она.

Птица каркнула.

Кэтрин вышла на крыльцо. Ветер ударил в лицо — тёплый, не по осеннему. Луна затянулась тучей. Но на холме горел огонь.

Не костёр. Не свеча. Не молния. А ровный, холодный свет, будди кто-то смотрел на неё оттуда. Или — она сама смотрела на себя со стороны.

Ворон каркнул. Один раз. Громко.

Кэтрин поняла: завтра что-то случится.

И она знала — что. Она не знала лица, но знала: придёт человек, который захочет забрать её землю, её дом. Придёт не случайно.

Она вернулась в комнату, села на лежанку и впервые за три дня позволила себе заплакать. Не от страха. От понимания: мать готовила её не к жизни. Мать готовила её к войне.

ГЛАВА 6. ЧУЖАК

Кэтрин проснулась не от света, а от звука: топот копыт, скрип колёс, мужские голоса.

Она подошла к окну. Тяжёлая карета с гербом на дверце стояла у самого забора. Два крепких мужчины распрягали лошадей. Третий, в дорогом плаще, поправлял перевязь меча.

Кэтрин накинула шаль и села на лавку. Рядом спала Элис. Ворон молчал.

Через минуту раздался стук. Громкий, уверенный.

— Открыто, — сказала Кэтрин, не вставая.

Дверь отворилась. На пороге стоял человек, которого она видела, и сразу узнала.

Сайлас Грей. Управляющий лорда Норвуда. Тот, кто приходил неделю назад, но теперь вернулся не один — со свитой. И не с вопросом, а с приказом.

Он был высок, сутуловат, с жёстким лицом, изрезанным мелкими морщинами. Глаза — светлые, почти прозрачные, как у рыбы, но холодные. Живое в них было только одно — расчёт. На безымянном пальце — серебряный перстень с печаткой. На плече — плащ с меховой оторочкой.

— Кэтрин, — сказал он, не спрашивая.

— Вы уже знаете, — ответила она, тоже без вопроса.

— Знаю, — он вошёл, не дожидаясь приглашения. Остановился у порога, огляделся. — Я пришёл с ответом.

— Я вас не спрашивала.

— Лорд Норвуд спрашивал. Он дал вам время на раздумья. Вы не ответили. Теперь он ответил за вас.

Кэтрин молчала. Только пальцы сжали край шали.

Он шагнул глубже в комнату, достал из-за пазухи плотный лист пергамента с красной восковой печатью. Герб лорда — два скрещённых меча и ветвь дуба.

— Приказ о выселении, — он положил бумагу на стол. — Подписан. Заверен. Вы должны покинуть эту землю в течение трёх дней.

— Это земля моей матери, — медленно произнесла Кэтрин. — Моя. Моей сестры.

— Была, — он не повысил голос. — Теперь — собственность лорда.

— Я не подписывала.

— Вашей подписи никто не ждал. Лорд Норвуд действует по праву закона.

— Какого закона? — выдохнула Кэтрин. — Мы жили здесь ещё до того, как его дед получил свои земли.

— А вы, я вижу, языки умеете чесать. — Он усмехнулся. — Это не рынок. У вас три дня. Если не уйдёте добровольно, выведут силой.

— Выведете?

— Если придётся. Я не хочу, чтобы это выглядело жестоко. Но у меня приказ.

— Вы не знаете, что такое жестокость, — сказала Кэтрин. Голос не дрогнул.

Сайлас Грей посмотрел на неё внимательнее. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение, но тут же пропало.

— Эта земля ваша? — спросил он вдруг.

— Моя.

— А что, если я скажу, что это не совсем так? Твоя мать... была травницей? Или кем-то ещё?

— Она была моей матерью, — сказала Кэтрин. — Всё.

— Хорошо, — он кивнул. — Тогда, может, ты знаешь, что твои соседи говорят о вашем доме? О том, что по ночам в окнах горит странный свет? О птицах, которые кружат над башней утром?

— Это всё выдумки, — Кэтрин не отвела взгляда.

— Возможно, — он развернулся к выходу. — Но лорд Норвуд не любит выдумок. Он любит тишину и порядок. Если ваш дом связан с колдовством, его снесут, а вас отправят в суд. Это я говорю не как управляющий — как человек, который видел, что бывает с такими, как ты.

Кэтрин ничего не сказала. Только сжала край стола.

— Уходите, — выдохнула она.

Он кивнул и вышел.

Когда дверь закрылась, Элис села на лежанке, протирая глаза.

— Кто это был? — спросила она спросонья.

— Плохой человек, — ответила Кэтрин.

— Он сделает нам плохо?

— Попробует.

Элис помолчала. Потом спросила:

— Мама говорила, что я должна слушаться тебя. Ты сама знаешь, что делать?

Кэтрин посмотрела на книгу. Та лежала на столе, холодная и неподвижная. Но стоило дотронуться до переплёта — пальцы потеплели.

Не от тепла, а от чего-то другого. От тихого, настойчивого: «Ты можешь».

— Знаю, — ответила Кэтрин.

— А что ты сделаешь? — спросила Элис шёпотом.

Кэтрин взяла книгу в руки, открыла первую страницу. Знаки не шевелились, но она уже поняла: они ждут. Ждут, когда она перестанет бояться.

— Я что-то сделаю, — сказала она. — Чтобы он не вернулся.

Ворон каркнул. За окном удалялась карета.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ ШАГ

Они уехали. Карета скрылась за холмом, лошади устало перебирали копытами, и тишина вернулась.

Не та тишина, что была раньше. Не живая, не добрая, не та, в которой поют птицы и ветер играет с травами. Другая. Тяжёлая. Как будто воздух стал гуще, как будто сама земля под домом ждала — не выдыхала.

Кэтрин сидела у стола, не зажигая свечи. В комнате серел сумрак. Элис уснула. Ворон улетел. Книга лежала перед ней — закрытая, тёплая.

Она боялась её открыть.

Не потому, что не знала знаков, а потому, что чувствовала — за этой обложкой больше не слова. Больше не буквы. За ней — дыхание. Чьё-то чужое, древнее, слишком близкое.

Но страх быть выселенной, страх потерять дом, землю, память о матери — он оказался сильнее.

— Я открою, — прошептала Кэтрин в пустоту.

Тишина не ответила.

Она провела пальцами по переплёту. Кожа под пальцами была холодной, а потом — тёплой. А потом — горячей, почти обжигающей, но Кэтрин не отдёрнула руку. Она смотрела, как пальцы сами, без её воли, переворачивают страницу.

Книга открылась и знаки зашевелились. Не как в прошлый раз — медленно и лениво. Они закрутились, побежали, сплелись в узлы, разорвались снова. Чёрные чернила текли, как вода. Страницы больше не были сухими — они блестели, будто их намочили.

Кэтрин почувствовала запах старого подвала. Сырость. Гниль. Мёд. И холод. Такой холод, что она закуталась в шаль, но зубы всё равно начали стучать. Не от погоды. От того, что книга открылась не перед ней — а вокруг неё. Будто страницы вырвались из переплёта и обступили со всех сторон. Она закрыла глаза. И увидела.

Холм. Не тот, что за окном, а такой, каким он был сотни лет назад. Лес кругом, люди в звериных шкурах, огонь посреди круга из камней. И небо — чёрное, без звёзд.

Один человек стоял у костра. Женщина. Такая же, как она. Та же осанка, те же длинные волосы. Но не Кэтрин. Другая.

— Ты пришла, — сказала женщина, глядя ей в глаза. Голос не извне, а изнутри головы. — Я ждала.

— Кто ты? — спросила Кэтрин, но слова вышли не звуком — мыслью.

— Ты это знаешь, — ответила женщина. — Я — та, кто была. Ты — та, кто будет.

Она протянула руку. На её пальцах запеклась кровь.

— Прикоснись. И ты узнаешь, как защитить свой дом.

Кэтрин хотела отдернуть руку, но не смогла. Не потому, что её держали. Потому, что внутри — под рёбрами, где обычно болит от страха, — загорелось что-то твёрдое и жаркое. Как уголёк, который не сжечь.

Она коснулась пальцев женщины. Мир взорвался образами. Смерть, костры, молитвы в пустоте, погони. Ведьм жгли, топили, вешали. Она видела их лица — обычные, усталые, не злые. И слышала шёпот: «Не бойся. С тобой не так. С тобой иначе». Кэтрин открыла глаза.

Она сидела на полу, прижавшись спиной к стенке. Книга лежала рядом, закрытая. Холод ушёл. Осталась только тяжесть в груди.

Элис не проснулась. Ворон не вернулся.

Но Кэтрин знала — что-то изменилось.

Она поднесла руку к лицу. На подушечках пальцев запеклась кровь. Не её. Чужая. Старая. И мерцала. Кэтрин прошептала одно слово, которое вдруг поняла без перевода:

— Уйти.

Тень на стене дрогнула. И послушно стекла в угол.

Кэтрин сжала кулак.

Она больше не была просто девушкой без матери.

Она стала той, кто может приказывать тьме.

ГЛАВА 8. ТОТ, КТО ПРИШЁЛ ИЗ ЛЕСА

Кэтрин провела обряд. Она не знала, правильно ли сделала. Не знала, слышал ли её кто-то. Но когда вернулась в дом, на душе стало легче. Как будто камень, который лежал на груди, скатился на пол.

Она легла на лежанку, не раздеваясь. Элис спала. Ворон сидел на спинке стула и не закрывал глаз.

Кэтрин уснула под утро.

Разбудил её крик.

Ворон бился в закрытое окно. Кричал резко, требовал впустить. Кэтрин впустила. Птица залетела, описала круг над её головой и вылетела обратно.

— Что там? — спросила Кэтрин шёпотом.

Ответа не было.

Она накинула плащ, вышла на крыльцо. Туман лежал на земле, холодный, плотный. Луны не было видно.

Ворон сидел на перилах. Смотрел. Потом отлетел на несколько шагов, оглянулся, снова взлетел и приземлился дальше — в сторону леса.

— Ты зовёшь меня? — спросила Кэтрин.

Ворон каркнул один раз. Жёстко. Требовательно.

Кэтрин пошла за ним.

Сначала по тропинке. Потом по мокрой траве. Туман не рассеивался, а сгущался. Шаги почти не звучали — земля глотала звуки.

Ворон летел впереди. Каркал. Коротко, отрывисто. Словно считал шаги.

Лес стал плотнее. Деревья — выше. Ветви — как чьи-то руки, нависающие над головой. Вокруг, в листве, каркали другие вороны. Невидимые. Кэтрин слышала их, но не видела.

Под ногами хрустело. Не сучья. Что-то другое. Или просто сухая земля, которую она не замечала раньше.

Она хотела повернуть назад, но ноги не слушались. Или сердце вело её дальше?

Ворон привёл её в самую чашу.

Туман здесь стал синеватым. Деревья сомкнулись над головой, и луна исчезла совсем. Только тихий треск веток где-то в глубине. И чьё-то дыхание.

Кэтрин поняла: не одна. Ворон сел на сухую ветку и замолчал. Тогда она увидела.

Тень, гору, тушу — неподвижную, но живую. Огромный зверь лежал в подушке из мха, почти сливаясь с землёй.

Не волк, не собака. Его бока были раскрыты, и из ран сочилась чёрная, густая кровь. Пахло от неё не железом — старостью. Гнилью веков.

Кэтрин хотела отступить, но зверь поднял голову.

Жёлтые глаза. Человеческие? Нет — древнее.

— Помоги мне, — сказал он голосом, который шёл не из горла, а прямо в голову.

— Кто ты? — спросила Кэтрин. Голос дрожал, но она не отвела взгляда.

— Тот, кто ждал, — ответил зверь. — Ты можешь исцелить меня.

— Не умею.

— Умеешь. Положи руки.

Она подошла вплотную. Запах ударил в нос — мох, старый камень, холодный пепел.

Она положила ладони на его морду. Закрыла глаза.

И почувствовала.

Каждую рану, каждый сломанный сосуд. Сердце, которое билось слишком медленно. Кровь, которая застаивалась в жилах. Кэтрин не знала, как это делать, но её тело знало.

Тепло пошло из неё. Не её тепло. Чужое. Древнее. Оно слушалось.
Раны затянулись. Кости встали на место. Кровь побежала быстрее.
Зверь вздохнул так глубоко, что вокруг неё задрожали листья.

Он поднялся. Встав на четыре лапы, он оказался выше любого дома в их городке. Кэтрин не отступила.

— Я твой слуга, — проговорил зверь. — Если позовёшь.

— Я не звала тебя.

— Твоя мать звала. Для тебя.

— Садись. Я отвезу тебя домой.

Она села. Не раздумывая.

Зверь рванул — и лес превратился в серую размытую полосу. Одно мгновение — чаша.

Другое — край леса, откуда Кэтрин начинала путь.

Там он остановился.

И начал уменьшаться.

Шерсть сжалась, кости укоротились, дыхание стало тише. Через минуту перед ней стоял обычный серый то ли волк то ли пёс. Размером с овчарку. Только глаза остались жёлтыми.

— Что ты сделал? — спросила Кэтрин.

— Я всегда буду таким, — ответил пёс. — Пока ты в опасности.

— Тебе нужны помощники, — добавил он. — Сайлас Грей вернётся не один.

Кэтрин смотрела на него долго.

— Я согласна, — сказала она наконец. — Будешь мне служить.

Пёс легонько стукнул хвостом по земле.

Они пошли к дому сквозь редяющий туман. Ворон летел над ними. Иногда каркал — коротко, отрывисто. Словно докладывал, что всё чисто.

Дверь скрипнула. Элис спала. Книга лежала на столе. Кэтрин подошла к лежанке, легла. Серый пёс свернулся у порога. Ворон закрыл глаз.

Кэтрин проснулась от того, что кто-то дышал ей в лицо. Она открыла глаза. Серый пёс лежал рядом, положив голову на её одеяло. Жёлтые глаза смотрели внимательно, без сна. Ворон сидел на спинке кровати — тоже бодрствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.